

**Идейная детерминация социальных преобразований:
теоретико-прикладной аспект**

Н. Н. Равочкин¹, В. П. Щенников²

¹*Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева,
г. Кемерово, Россия*

¹*Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия*

nickravochkin@mail.ru

²*Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки
работников образования, г. Кемерово*

volodia.logos2011@yandex.ru

Авторы разрабатывают теоретический и прикладной аспекты идейной детерминации социальных преобразований. Пристальное внимание уделяется проблематике функционирования сетей интеллектуалов, продуцирующих идеи на актуальные вызовы современного мира. Авторы не только подчеркивают роль субъектов социальных преобразований, которыми, как правило, выступают властные акторы, но и определяют взаимообуславливающий характер функционирования современных обществ. Предлагая рабочую схему механизма отбора идей, которые предстоит реализовать субъектам в программах социальных преобразований, авторы анализируют принципы функционирования сетей интеллектуалов и в целях создания эффективных идей социальных изменений выводят критерии классификации параметров, на которые проецируются актуальные проблемы.

Ключевые слова: идея, социальные преобразования, сети интеллектуалов, общество, культура.

**Ideological determination of social transformations:
theoretical and applied aspect**

N. N. Ravochkin¹, V. P. Shchennikov²

¹*Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev, Kemerovo, Russia*

¹*Kuzbass state agricultural academy, Kemerovo, Russia*

nickravochkin@mail.ru

²*Kuzbass Regional Institute for Advanced Studies and Retraining of Educators, Kemerovo,
Russia*

volodia.logos2011@yandex.ru

The authors develop the theoretical and applied aspects of the ideological determination of social transformations. Close attention is paid to the problems of functioning of networks of intellectuals producing ideas for the urgent challenges of the modern world. The principles of functioning of networks of intellectuals and the creation of effective ideas for social changes have been clarified. The role of the subjects of social transformations, which, as a rule, are powerful actors, is emphasized. The interdependent nature of the functioning of modern societies has been determined. A working scheme is proposed that reflects the mechanism for selecting ideas implemented by subjects in programs of social transformations, and its description is also given.

Keywords: idea, social transformations, networks of intellectuals, society, culture.

*Ясная и четкая постановка новых проблем
есть несомненное движение в сторону новых идей.
В.А. Окладной*

Сегодня изменяется взгляд на соотношение теории и практики: «Теория живет полноценной жизнью, когда оказывает реальное влияние на бытие, способна его совершенствовать» [8, с. 8]. По нашему мнению, практическое значение философии определяется, прежде всего, необходимостью разрабатывать новые подходы к осмыслению ситуаций, которые складываются в стремительно усложняющемся социуме, в макрорегионах страны. В самом деле, вряд ли кто-то может назвать такие регионы Земли, в которых не возникали бы трудности при организации и последующем развитии структур, находящихся под прямым и/или опосредованным воздействием социальных и природных процессов. Анализ социальной динамики отчетливо показывает, что теперь выигрыш государств в плане эволюционного пути развития зависит главным образом от интеллектуальных ресурсов, а именно — от продуцируемых идей. К слову, несмотря на то что эта проблематика не получает должного исследования в отечественной науке [7], необходимость ее разработки ввиду особой роли потенциала идей (*а не идеологий — прим. авторов*), прежде всего применяемых к социальным процессам, кажется нам весьма перспективной, поскольку соответствует зарубежному научному дискурсу [9—19]. В самом деле, многие российские авторы попросту не вовлечены в современные социально-философские дебаты, что касается не только производства идей, но и других предметных областей, и, как метко подчеркивает О.Б. Давыдов, «продолжают спорить с тем, что давно утратило

актуальность в мировом философском контексте» [1, с. 9].

Несмотря на скепсис исследователей, либо придающих сети интеллектуалов пассивную роль, либо категорирующих их как маргиналов, они обладают куда большим потенциалом, при реализации которого властные акторы могут конструировать и изменять конкретные социальные структуры. Более того, детерминирующие возможности идей, как правило, проявляются в обществах и государствах, открытых для диалога с интеллектуалами и заинтересованных в результатах их непосредственной деятельности.

Предлагаем понимать «идею» как результат интеллектуальной деятельности (продукт сети мыслителей), положенный в основу программы желаемых и возможных социальных преобразований, поскольку отражает представления об актуальных вызовах современности в том или ином государстве/обществе. Логично в связи с этим под «программой» обозначить систематизированную совокупность таких идей.

Поставим задачу не только оценить и сравнить открытость различных социумов, но и показать механизм идейной детерминации социальных изменений. По нашему мнению, решение этой задачи составит основу методологии поиска и отбора идей, воплощение которых способствовало преодолению социальных вызовов. Именно поэтому исследовательский интерес к идеям должен выйти за рамки их познавательных функций к инструментальному

значению, которое обуславливает социальное бытие.

Для современных общественных наук характерна плюралистическая целостность, что делает возможным создание новых (порой прямо противоположных) концепций, подходов и теорий и дает понимание магистралей дальнейшего социального развития. Не вдаваясь в точную статистику, скажем, что один лишь XX век принес несколько сотен разнонаправленных мыслительных конструктов. Дискуссионность и критика, взаимообусловленность и противодействие, солидарность и отчуждение, и отсутствие жесткого диктата одной точки зрения мнению всего сообщества — вот основные параметры нормы для современных сетей интеллектуалов, играющих важную роль в различных областях общественной жизни.

Заслуживает внимания тот факт, что идеи, лежащие в основе концепций и теорий, представляют собой результаты коммуникации между сетями интеллектуалов и де-факто приобретают парадигмальное значение в масштабе эпох. Мы солидарны с американским мыслителем Р. Коллинзом, который увидел во взаимодействии интеллектуалов разных сообществ не простой обмен информацией, но генезис новых продуктов мыслительной деятельности. Отметим, что Коллинз пришел к такому выводу благодаря обращению к наследию мировой философской мысли, через множество дискурсивных практик. Позиция социолога предполагает количественный учет поколений в непрерывно развивающемся интеллектуальном сообществе, для этого он приближает и отдаляет разные по масштабности идейные (и даже идеологические) линии [3]. Проще говоря, углубление в интеллектуальные направления, традиции и школы фактически открывает бесконечное множество идей. Для того чтобы подтвердить это суждение, обратимся к опыту XX столетия, богатого институционализацией новых и переосмыслением,

казалось, забытых интеллектуальных течений и традиций. XX век послужил окончательному разрыву с метафизикой во многих концепциях и был ориентирован на практику, прежде всего на социальный заказ. Классические философские проблемы, затрагивающие производство идей, находят свое новое воплощение, полагая идеи неразрывно связанными не столько с разумной деятельностью, сколько с общественными переменами. По сути, понимание особенностей сетевой коммуникации между интеллектуалами делает справедливым утверждение о генезисе «социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей» (см. М. Кастельс в: [2, с. 495]). Сетевой подход к коммуникации позволяет исследователю снять функциональные ограничения, тем самым устранив слабую сторону субстанциональной концепции, обусловленную интересами малого числа акторов. В коммуникации между сетями интеллектуалов значимость смещается от индивида к субъектам, к сети как системе, что делает коллективную деятельность более эффективной за счет той или иной степени со-участия в ней всех ее членов¹.

Итак, сегодня особенно актуальным становится влияние идей на социальные изменения, причем требуются такие идеи, которые наиболее полно учитывали бы всю палитру вызовов современности применительно к конкретному обществу. Таким образом, мышление интеллектуалов не должно быть в плену априори нереализуемых социальных проектов. Если направление мышления прагматично, исходит из текущих контекстуальных реалий, то идеи, предлагаемые для выхода из кризисных ситуаций, коррелируют с возможностями (а на практике — и со стремлениями) властных акторов. По сути, наше понимание идей как инструментов социальных преобразований

¹ Цит. по докладу Н.Н. Равочкина «Роль коммуникации между интеллектуалами в аспекте генезиса и развития идей как инструментов социальных преобразований» (Конференция «Социальные коммуникации и эволюция обществ». г. Новосибирск, 27–28 сентября 2019 г.).

лежит в плоскости построения определенных моделей по преодолению кризиса и максимально полной их реализации и ни в коей мере не относится к так называемой наивной методологии бесконечных проб и ошибок одного-единственного варианта [8, с. 4—5].

Идеи, ориентированные на реализацию социальных преобразований, многогранны: отражают осмысление причин, которые привели социум к нынешнему состоянию, а также прогнозирование, т. е. содержат конструктивные предложения, программы по выходу на эволюционный путь развития, более того, еще учитывают и множество влияющих на эволюцию факторов. Полагаем, многие согласятся с нашим тезисом: каждый новый этап в развитии государства должен сопровождаться глубинным анализом его источников, или влияющих на него факторов, поскольку в первую очередь это необходимо для переосмысления концептуальных основ социального развития. Следует сказать, что социально-гуманитарные и междисциплинарные исследования внесли колоссальный вклад в осмысление и ранжирование факторов, детерминирующих развитие государств и альянсов, причем в последнее время — их взаимодействие между собой. Обобщая тезисы, приведенные в этой микротеме, можно сформулировать две главные задачи, выполняемые сетями интеллектуалов при продуцировании для социальных преобразований эффективных идей. Во-первых, это всесторонняя характеристика проблем развития общества и действующих препятствий; во-вторых, прорисовка траектории будущего состояния социума с учетом реализации на практике мыслительных конструктов и под воздействием «плюрализма факторов» (в условиях плюрализма). Также мы полагаем, что уровень осознанности и качество реконструкции мышления есть те показатели, которые способствуют реализации регулятивного функционала социальных структур применительно к типам отношений.

Влияние идей на структуру социального бытия всегда сопряжено с противоречиями между содержанием результатов мыслительной деятельности и реальным ходом развития

общества. Помимо этих сложных взаимодействий, обращает на себя внимание проблема взаимного влияния интеллектуальных конструктов. Само содержание идей, продуцируемых сетями интеллектуалов, во многом обусловлено социальными процессами. Хотя того властные акторы или нет, но чтобы достичь социальной эволюции, придется отказаться от таких рецептов (накопившихся стереотипов), которые, как показала практика, не могут быть универсальными для отличных друг от друга обществ. Таким образом, даже самые закрытые от диалога государственные структуры вынуждены обращаться к сетям интеллектуалов именно ввиду их умения лучше видеть системы различных связей и фиксировать уровень вызовов современности. В противном случае, по нашему мнению, высока доля вероятности, что даже скрупулезное извлечение властными акторами «проверенных и универсальных рецептов» из работ мыслителей того или иного времени приобретет не созидательные и прогрессивные идеи, а догмы. Следует помнить, что успешные социальные преобразования составляют «синтез старых и новых системообразующих идей» [8, с. 174]. Идеи всегда порождают другие идеи, их сочетание приводит к генезису, более сложным идеальным конструктам (причем не обязательно именно в той сфере, применительно к которой изначально создавалась идея). К ним относятся гипотезы, концепции, теории, программы, порой восходящие до философских оснований [6].

Многоаспектность результатов мыслительной деятельности обеспечивается за счет наличия в них нескольких причинно-следственных связей и зависимостей, поскольку они описывают текущее и будущее состояние социума и ранжируют их определенным образом, исходя, разумеется, из методологической установки. Однако именно здесь важно понимать, какие срезы готовой к воплощению идеи, вопреки внешнему положительному эффекту, окажутся непринятыми (а то и заблокированными) теми или иными социальными группами и/или слоями, что с большей долей вероятности приведет к негативным

последствиям. Именно поэтому мы делаем акцент на значимости аксиологических оснований идей, выделяем контекст, построенный на анализе экспектаций социальных групп и слоев. Культуральные параметры во многом определяют дихотомию «эффективность/неэффективность», которая априори заложена в идеи, позволяют вскрыть будущие сущностные противоречия и тем самым минимизировать их. Предлагаемая рекомендация действенна тогда, когда мы диагностируем специфику общественных отношений, а в процессе оформления идей в программы социального развития корректируем их содержание соответственно специфике.

Очевидно, что усложнение современно-го нам социума предполагает преобразования, различные по масштабу и по сути в разных государствах и макрорегионах. Поэтому наивно полагать, что эволюция общественной жизни зависит от одной-единственной идеи, которая могла бы объять все стоящие перед социумом вызовы. Отсюда вывод: субъекты социальных преобразований² реализуют программы, которые, в сущности, представляют собой конфигурации определенных идей, адаптированные под реалии конкретного государства.

Перейдем к специфике вызовов современности. Абсолютно для любого общества вызовы, возникающие в нем, могут быть охарактеризованы как совокупность *уникальных* преград и трудностей на пути к эволюционному пути его развития. Более того, в каждом случае вызовы имеют свои, конкретные причины, свою основу. Даже те вызовы, которые имеют характер различной общности (охватывают два и более двух государств, а также мировые), персонифицируются главным образом в зависимости от следующего набора параметров: состояние экономики, территория, уровень политико-правовой сферы и, конечно, культура, в любом ее значении, и др. Более того, сети интеллектуалов вправе предлагать собственные критерии классификации параметров, на которые проецируются актуальные проблемы.

Исходя из того, что нет и не может быть двух стопроцентно одинаковых экономик или практик правоприменения, уникальность как маркер вызовов также несомненна.

Далее, многое зависит от «социального профиля» интеллектуалов. Сформулируем принципиальное положение: даже на теоретическом уровне продуцируемые идеи по-разному участвуют в жизни конкретного общества. Преимущество идей зависит от состава артикулированных в них проблем и от обращения субъектов социальных преобразований к зарубежному опыту (о полном импорте технологии социальной инноватики здесь речь не идет). Кроме того, об идентичности идеи социального изменения (не говоря о модели) можно судить по неодинаковому характеру фиксации текущей ситуации, поскольку сети придают разное значение тем или иным факторам и ведут собственную траекторию воплощения идей на практике.

Рассмотрим сферу конструкторов, приемлемых для решения проблемы модернизации. Для наглядности приведем пример с выбором одной-единственной идеи (в реальности таковых идей гораздо больше). Допустим, сеть А настаивает на поэтапной модернизации сфер общественной жизни, тогда как сеть В — на активном, революционном преобразовании всего общества сразу. Любопытно, что, несмотря на логичность первого варианта, субъекты реализации социальных преобразований могут отдать предпочтение принципу «все и сразу»: здесь проявится детерминанта «личное обогащение ограниченного круга, властной элиты» или, наоборот, «скорейший приход к власти нового истеблишмента». Дополнительным аргументом в пользу неконструктивного варианта может стать отчуждение населения от мер управления, проводимых государством. Как показывает анализ мировой практики, подобное «извращенное» воплощение идей, да еще и не в полном объеме, выбирает большинство африканских государств. Приход к власти население этих

² Субъектами социальных преобразований чаще выступают властные акторы, тогда как крупными инициаторами могут быть: интеллектуалы, гражданское общество, транснациональные корпорации.

стран рассматривает как средство удовлетворения личных целей. В самом деле, претензии акторов на полномочия и связанные с ними имущественные блага постоянны, но при этом пребывание этих групп у государственного штурвала темпорально. Возьмем на себя смелость утверждать, что даже (относительно) длительное сохранение власти в том или ином обществе в руках одной или нескольких групп (демократия) не является гарантом того, что внутри политического образования у людей отсутствуют претензии и стремления к власти, и не исключает противоборства между этими силами, или партиями. В связи с этим чрезвычайно важно понимать: какое направление реформ будет выбрано и кто его будет осуществлять. Приведенный пример вполне может быть развернут до N-вариантов выбора так называемых революционных (по природе и содержанию) идей, причем де-факто взаимоисключающих друг друга и преумножающих противоречия. Тем не менее они помещаются субъектами социальных преобразований в одну программу.

Велико значение взаимообусловленного характера развития сфер общественной жизни. Этот фактор определяет сущностное содержание социальных структур, их актуальное состояние и необходимость обновления либо полной замены архаичных механизмов, которые тормозят функционирование социума, со свойственным ему плюрализмом взаимоотношений с другими соразмерными субъектами. Пожалуй, рубеж XX — XXI столетий наглядно показал, что формирование нового мирового порядка и расклада сил учитывает невероятное количество взаимодействий государств друг с другом, поэтому даже максимально закрытые страны (прежде всего, КНДР) при реализации идей должны прогнозировать взаимоотношения с другими участниками международных отношений.

Понятно, что имплементация идей в структуры социального бытия отражает действия субъектов по преобразованию действительности. Повышение эффективности идейной детерминации социальных изменений напрямую зависит от своевременной реакции

субъектов на ситуацию. В свою очередь принципиальным становится понимание сетями интеллектуальной динамики, поскольку общество пришло к настоящему состоянию благодаря частому обращению к определенным идеям. Еще раз подчеркнем, что предлагаемые программы должны учитывать именно тот интеллектуальный инструментарий, применение которого в прошлом дало вполне конкретные реалии настоящему. Поэтому не следует игнорировать идеи предыдущих эпох, в которых не просто отражалось желаемое сущностное устройство социума, но давались прогнозы должного, по мнению их создателей, развития. Здесь важно отметить, что идеи, которые иногда не вписываются в текущий момент времени, маркируются как опережающие (по своей природе), а также как альтернативы будущих социальных преобразований, могут быть положены в основу принципиально новой программы [4]. В этом мы усматриваем необходимость создания резервов предлагаемых интеллектуалами моделей социальных изменений. К сожалению, такая практика пока не получила соответствующего распространения.

На наш взгляд, анализирование кризисных тенденций, сопровождающих развитие современного общества в общепланетарном масштабе, позволяет достаточно обоснованно говорить о наличии множественных и почти всегда связанных между государствами систем подкризисов. Не делая целью предметное углубление в проблемные области, обобщенно скажем, что де-факто многие преобразования осуществлялись без должного учета причинно-следственных связей, причем чаще всего внимание уделялось преимущественно причинам. Следуя точке зрения футурологов о нежелании людей переживать изменения повседневности, укажем и на традиционалистские представления как отпечаток на сознании субъектов социальных преобразований в конкретном обществе. Они могут быть представлены в виде простой схемы «причина — действие — следствие». Такой механизм воплощения идей оценим как минимально рискованный. Однако его отложенный негативный эффект с большой

долей вероятности проявится, поскольку механизм изолирован от других функциональных цепей, которые также (и часто одновременно) реализуют соответствующие акторы. По нашему мнению, этот механизм был эффективным исключительно при жестко-централизованном способе управления государством [8, с. 84—85]. Однако современная действительность такова, что каждая ситуация детерминирована не одной причиной, а многими. Поэтому даже тенденции полярные, выявленные в ходе многочисленных исследований, на практике учитываться должны, если анализ показал, что именно они определенным образом оказывают сильное воздействие на социальную систему.

Детальная проработка проблемы идейной детерминации социальных преобразований показала, что сложность ее более выражена, чем в логике рассуждений лапласовского детерминизма. Вышеупомянутое практическое взаимовлияние сфер общественной жизни, динамичность и открытость социальных систем [5] являются специфичными маркерами современности и делают несостоятельными линейные варианты идейной детерминации социальных преобразований. Следовательно, сегодня при подготовке содержания идей, положенных в скорректированном виде в основу программ, недопустимо игнорировать внешний эффект, который фундирует образ государства на международной арене, вне зависимости от того, одним государством или группой он будет восприниматься и оцениваться. К примеру, излишний критицизм в отношении прошлой организации государственного устройства и, как следствие этого, чрезмерное реформирование институтов приведет, с верным расчетом, к амбивалентным оценкам той или иной страны на мировой арене. Характерным примером этому является смена государственного режима с авторитарного на демократический. Вместе с тем оценки таких реформистских практик также могут отличаться с любой стороны, если демократия используется исключительно в качестве декларативного принципа, а ее базисные ценности, соответственно, — как спекуляции.

Приближаясь к построению механизма идейной детерминации социальных преобразований, рассмотрим взаимодействие внутри сетей интеллектуалов: с различной степенью активности участники кристаллизуют идею или комплекс идей исходя из принципа функциональной детерминации. Данный маркер взаимодействий обуславливает изменение содержания идей (оно дополняется/сокращается) благодаря ориентации участников на взгляды, разделяемые другими участниками, и вариативности решений. Назвать точное количество конфигураций и модификаций, которые описывали бы взаимодействия внутренние и внешние между сетями интеллектуалов, невозможно, поскольку не поддаются учету такие характеристики, как число участников, территориальная расположенность сети, активность участия, методологические установки и др. Примером позитивной конфигурации назовем такое взаимодействие между интеллектуалами, при котором учитывается мнение каждого, а разработка идей осуществляется путем отбора наиболее значимых (в данной сети) положений. Следующий способ организации взаимодействия — это тоталитарный подход к созданию идей, когда, в отличие от объективного критицизма, лидер не ориентируется на взгляды участников и тем самым к реализации «продавливает» наименее перспективный вариант. Однако содержание продуцируемых идей главным образом определяется реалиями социального бытия, что позволяет сетям интеллектуалов максимально полно охватить проблемы в конкретной сфере, разумеется, применяя научный подход. Совокупность проблем как раз и создает настоящую палитру вызовов того или иного времени. Таким образом, идеи извлекаются из опыта путем его анализа.

Приступим к прорисовке механизма идейной детерминации социальных преобразований. На рисунках 1 и 2 изображены четыре сети интеллектуалов (ИС), участники которых (Интеллектуал 1 ... Интеллектуал n) заняты осмыслением комплексов вызовов современности в конкретном обществе либо отдельных проблем в сферах общественной

жизни (что чаще встречается на практике). Результаты своей деятельности они предлагают субъектам реализации социальных преобразований. Конечно, это далеко от реалий, но тем не менее данный механизм допускает и продуцирование ИС такого количества идей, которые распространялись бы абсолютно на все сферы общественной жизни.

Идеи как результат рефлексии и последующей кристаллизации классифицируемы по видам. Главным образом они могут восприниматься как полностью соответствующие необходимым критериям: «культура», «ценности», «своевременность», «ожидания». Критерии разделяются субъектами социальных преобразований, отдельными группами и слоями (идеализированно для ИС-1, даны некоторые модификации для ИС-2 и ИС-3). Разумеется, на практике любая идея будущего преобразования неизбежно встретится с сопротивлением/неприятием/критикой и иными маркерами негативной оценки. Однако учитывая, что идея не может быть совершенной абсолютно для всех людей, логичней рассматривать сугубо широкие социальные группы и слои (однако и среди таковых будет различная реакция на перспективу воплощения предлагаемых интеллектуалами идеальных моделей), а не анализировать детально, по критериям. Так, у образованного социального слоя, подготовленного к переменам, реформы вызовут одобрение, тогда как для представителей нижних страт потребуются иная, ненаучная аргументация. Поэтому перед сетями интеллектуалов и субъектами социальных преобразований возникает дополнительная задача — четко формулировать и артикулировать базисные идейные послылки будущих перемен, чтобы они были доступны максимально широкой аудитории и на деле стали детерминантами эволюционного развития общества. По нашему мнению, такой подход к репрезентации образа социума снимает противоречия, связанные с пониманием идейного инструментария, что согласуется с прагматикой

современной философской и социально-философской мысли.

Более того, на практике возможен и такой вариант: идея не принята субъектами социальных преобразований. В мировой истории бывали случаи, когда люди, совершающие изменения в координатах общественного бытия, в силу именно своего интеллектуального уровня не имели полного представления о возможных траекториях и конечных целях тех или иных трансформаций. Полнота или неполнота восприятия и осознания идей, и особенно непосредственного их воплощения, представляют собой отдельные философские проблемы, решение которых требует отдельных исследований³.

На рисунке 1 показана обратная связь взаимодействия ИС-1 и ИС-2 — это влияние интеллектуалов различных сетей на взгляды и идейно-теоретические установки друг друга.

Конечно, в соответствии с открытостью обществ и постулатами акторно-сетевой теории, можно дополнять схему механизма идейной детерминации социальных преобразований как опосредованными связями между ИС (1—4), так и связями ИС (1—4) с субъектами.

Второй вариант обратной связи — между субъектами реализации социальных преобразований ИС-1, ИС-2 и ИС-3 — призван показать вовлечение интеллектуалов в диалог в целях корректировки предлагаемых ими мыслительных конструктов (на практике она всегда необходима). Также из схемы понятно, что обратные связи позволяют субъектам реализации социальных преобразований детализировать предлагаемые установки, не блокируя другие подходы. Корректировка идей производится для того, чтобы получить максимально эффективное сочетание этих элементов в программе социальных изменений. Прямые связи на рисунке отражают присутствие идей в создаваемой субъектами программе. Программа являет собой суммарный результат используемых идей (черная стрелка на рисунке).

³ Заметим, что иллюстрированная на рисунке 1 образованность субъектов социальных преобразований несколько идеализирована.

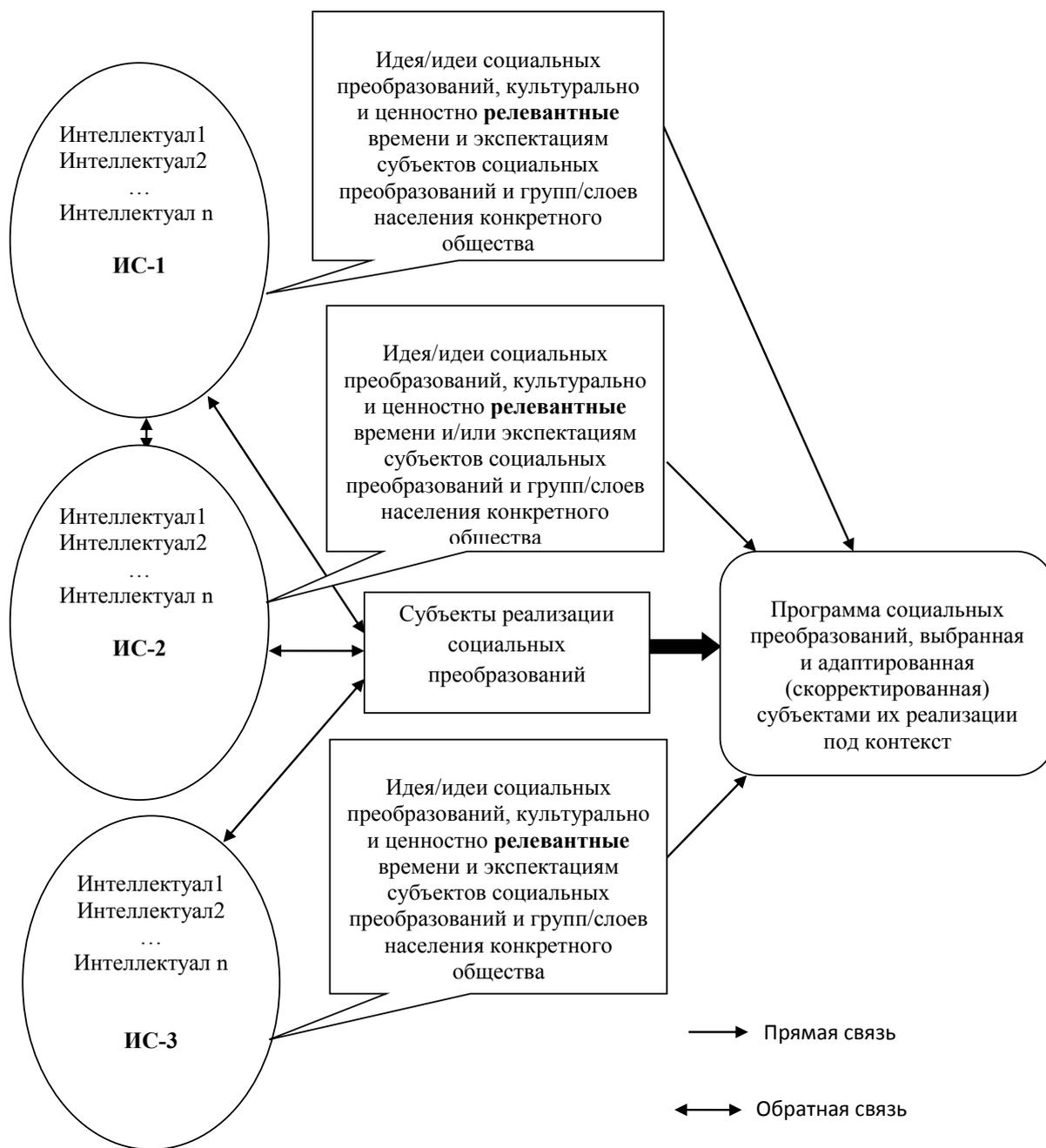

Рис. 1. Механизм реализации идейной детерминации социальных преобразований

Обратим внимание на рисунок 2. Идеи, создаваемые участниками ИС-4, после осмысления актуальных вызовов не находят отклика в конкретном обществе по тем или иным причинам, вследствие чего субъекты реализации социальных преобразований даже не считают нужным вступать в диалог с этой ИС. Однако отсутствие социального заказа ни в коей мере не означает, что идеи сообщества мыслите-

лей исчезнут. Конечно, мы допускаем различные сценарии, но для идеализированной модели выберем траекторию, благоприятную для интеллектуального наследия ИС-4. Это движение к резерву моделей будущих социальных преобразований (белая стрелка на рисунке), который, в силу мировоззренческих особенностей участников ИС-4, не имеет жесткой привязки к конкретному обществу

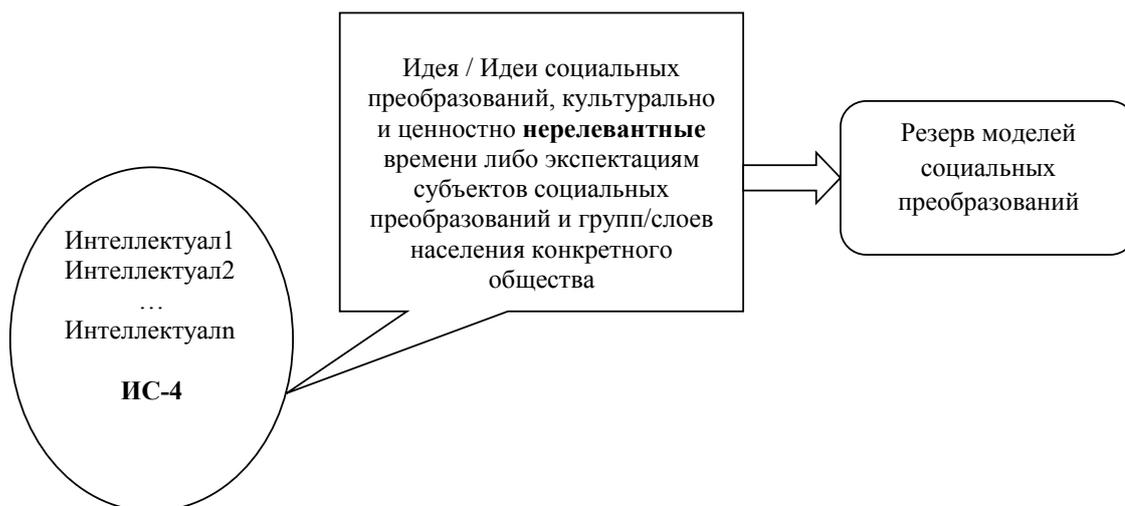

Рис. 2. Механизм создания резерва моделей социальных преобразований

и в чем-то будет действенным и для других государств.

В заключение добавим, что предложенный механизм идейной детерминации социальных преобразований допускает дополнения и может быть использован для более сложных примеров. В частности, можно варьировать количество интеллектуальных сетей, «настраивать» их взаимодействие, как между собой, так и с акторами реализации социальных преобразований. Также на рисунке можно отобразить различные группы и слои общества, которые могли бы оказывать определенное влияние на акторов. Практическое значение механизма идейной детерминации социальных преобразований предполагает масштабирование под конкретную ситуацию и дает наглядное руководство для отбора идей и их адаптации под актуальный контекст. Таким образом, мы показали роль идей, обуславливающих изменения в социальном бытии, не только на теоретическом уровне, но и в прикладном понимании.

Литература

1. Давыдов О.Б. Коммунитаристский проект общества: философская критика и обоснование: автореф. дис. ... докт. филос. н. Владивосток: Дальневост. федер. ун-т., 2017. 43 с.
2. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 631 с.

3. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
4. Окладной В. А. Диалектически противоречивый характер возникновения новых теорий // Тождество противоположностей как методологическая проблема: сб. науч. трудов / Отв. ред. И. Я. Лойфман. Свердловск: УрГУ. 1987. Вып. 10. С. 68–80. (Категории диалектики. 1970–1987).
5. Пригожин И. Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. М.: Институт философии РАН. 1991. № 6. С. 46–52.
6. Равочкин Н.Н. Идеи как философские основания: онтологический аспект // Якутский философский журнал. Якутск: Якутское регион. отд. Межрегион. Обществ. организации содействия развитию гуманизма «Российское гуманистическое общество». 2019. № 4. С. 4–13.
7. Равочкин Н.Н., Баумгартэн М.И., Порхачев В.Н. От «Проблемы идеального» Э.В. Ильенкова к исследованиям идей в современной социальной философии (обзор) // Философская мысль. 2020. № 7. С. 22–44. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33375
8. Щенников В.П. Сознание как общественная детерминанта: автореф. дис. ... докт. филос. н. Екатеринбург. 1992. 44 с.
9. Béland D. Ideas, Institutions, and Policy Change // Journal of European Public Policy. 2009. № 16(5). pp. 701–718.
10. Blyth M. Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
11. Blyth M. The transformation of the Swedish model: economic ideas, distributional conflict and institutional change // World Politics. 2001. № 54. pp. 1–26.
12. Carstensen M. Ideas Are Not as Stable as Political Scientists Want Them to Be: A Theory of Incremental Ideational Change // Political Studies. 2011. 59(3). pp. 596–615.

13. Cox R.H. The social construction of an imperative: why welfare reform happened in Denmark and the Netherlands but not in Germany // *World Politics*. 2001. № 53. pp. 463—498
14. Hajer M.A. Discourse Coalitions and the Institutionalization of Practice: The Case of Acid Rain // *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning* I. F. Fischer and J. Forester. London: Duke University Press, 1993. pp. 43—76.
15. Hall P. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. 1993. № 25(3). pp. 275—296.
16. Jabko N. *Playing the Market: A Political Strategy for Uniting Europe, 1985—2005*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. 224 p.
17. Katznelson I. Structure and Configuration in Comparative Politics // *Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure*, ed. Mark Irving Lichbach and Alan S. Zuckerman. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. pp. 81—114.
18. Kingdon J.W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. NY: HarperCollins, 1995. 254 p.
19. Lieberman R.C. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*. 2002. V. 96. №. 4. pp. 697—712.
4. Okladnoj V. A. Dialekticheski protivorechivyy karakter vozniknovenija novyh teorij // *Tozhdestvo protivopozhnostej kak metodologicheskaja problema: sb. nauch. trudov / Otv. red. I. Ja. Lojzman*. Sverdlovsk: UrGU. 1987. Vyp. 10. S. 68—80. (Kategorii dialektiki. 1970—1987).
5. Prigozhin I. R. *Filosofija nestabil'nosti // Voprosy filosofii*. M.: Institut filosofii RAN. 1991. № 6. S. 46—52.
6. Ravochkin N.N. Idei kak filosofskie osnovanija: ontologicheskij aspekt // *Jakutskij filosofskij zhurnal*. Jakutsk: Jakutskoe region. otd. Mezhregion. Obshhestv. organizacii sodejstvija razvitiyu gumanizma «Rossijskoe gumanisticheskoe obshhestvo». 2019. № 4. S. 4—13.
7. Ravochkin N.N., Baumgartjen M.I., Porhachev V.N. Ot «Problemy ideal'nogo» Je.V. Il'enkova k issledovanijam idej v sovremennoj social'noj filosofii (obzor) // *Filosofskaja mysl'*. 2020. № 7. S. 22—44. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33375
8. Shhennikov V.P. *Soznanie kak obshhestvennaja determinanta: avtoref. dis. ... dokt. filos. n.* Ekaterinburg. 1992. 44 c.
9. Béland D. Ideas, Institutions, and Policy Change // *Journal of European Public Policy*. 2009. № 16(5). pp. 701—718.
10. Blyth M. *Great Transformations: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
11. Blyth M. The transformation of the Swedish model: economic ideas, distributional conflict and institutional change // *World Politics*. 2001. № 54. pp. 1—26.
12. Carstensen M. Ideas Are Not as Stable as Political Scientists Want Them to Be: A Theory of Incremental Ideational Change // *Political Studies*. 2011. 59(3). pp. 596—615.
13. Cox R.H. The social construction of an imperative: why welfare reform happened in Denmark and the Netherlands but not in Germany // *World Politics*. 2001. № 53. pp. 463—498
14. Hajer M.A. Discourse Coalitions and the Institutionalization of Practice: The Case of Acid Rain // *The Argumentative Turn in Policy Analysis and Planning* I. F. Fischer and J. Forester. London: Duke University Press, 1993. pp. 43—76.
15. Hall P. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. 1993. № 25(3). pp. 275—296.
16. Jabko N. *Playing the Market: A Political Strategy for Uniting Europe, 1985—2005*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006. 224 p.
17. Katznelson I. Structure and Configuration in Comparative Politics // *Comparative Politics: Rationality, Culture, and Structure*, ed. Mark Irving Lichbach and Alan S. Zuckerman. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. pp. 81—114.
18. Kingdon J.W. *Agendas, Alternatives and Public Policies*. NY: HarperCollins, 1995. 254 p.
19. Lieberman R.C. Ideas, Institutions, and Political Order: Explaining Political Change // *The American Political Science Review*. 2002. V. 96. №. 4. pp. 697—712.

Поступила 30.07.2020

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28); доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

Щенников Владимир Петрович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и художественно-эстетических дисциплин Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования (Россия, 650070, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Заузелкова, д. 3), volodia.logos2011@yandex.ru

References

1. Davydov O.B. Kommunitaristskij proekt obshhestva: filosofskaja kritika i obosnovanie: avtoref. dis. ... dokt. filos. n. Vladivostok: Dal'nevost. feder. un-t., 2017. 43 s.
2. Novaja postindustrial'naja volna na Zapade: antologija / Pod red. V.L. Inozemceva. M.: Academia, 1999. 631 s.
3. Kollinz R. Sociologija filosofij. Global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija / Per. N. S. Rozova. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2002. 1282 s.

Submitted 30.07.2020

Ravochkin Nikita N., candidate of philosophy, associate Professor of the Department of history, philosophy and social Sciences of the T. F. Gorbachev Kuzbass state technical University (Russia, 650000, Kemerovo region, Kemerovo, Vesennaya str., 28); associate Professor of the Department of Humanities and legal disciplines of the Kuzbass state agricultural Academy (5 Markovtseva str., Kemerovo, Kemerovo region, 650056, Russia), *nickravochkin@mail.ru*

Schennikov Vladimir P., doctor of philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and artistic and aesthetic disciplines of the Kuzbass regional Institute for advanced training and retraining of educational workers (3 Zauzelkova str., Kemerovo, Kemerovo region, 650070, Russia), *volodia.logos2011@yandex.ru*